

Зеркальный зал Форта Клипот оказался холоднее, чем Син представляла себе.

Это был не тот физический холод, а некое зябкое веяние, сочившееся из глубины зеркал.

Бесчисленные зеркала тянулись от пола до самого купола, отражая друг друга и создавая бесконечный коридор из иллюзорных двойников.

Син стояла у входа, видя, как ее собственный образ дробится на мириады осколков, и каждый фрагмент являлся под чуть иным углом, словно рассыпанное на части «я».

Она не понимала, как здесь оказалась.

Последнее воспоминание уносило ее в мастерскую: в ушах все еще звенел гитарный аккорд Сервал, а пульсация пяти отметин резонировала с обрывками Песни ветра.

А затем... вмешалась сила куда более мощная.

То был не темный матерьял, не шепот Звездного ядра — нечто более древнее, похожее на зов, погребенный глубоко под мерзлой землей Белобога.

— Войди.

Голос донесся из глубин зеркального зала.

Это был не приказ, а приглашение, долетающее словно сквозь толщу тяжелого льда.

Син крепче сжала бейсбольную биту, и пять отметин в зеркальных отражениях вспыхнули звездами, разлетевшимися по бесчисленным измерениям.

Она шагнула вперед.

Каждый шаг вызывал легкую дрожь зеркал, словно пробуждалось чье-то затаенное воспоминание.

Отражения в зеркалах менялись вслед за ее движениями — не синхронно, с запоздалым эхом.

И тогда она увидела ее. Но это было не ее собственное отражение.

Другая женщина.

Серебристо-белые волосы, напоминавшие прическу Брони, но куда более зрелые, отмеченные печатью эрозии Звездного ядра и бледностью, точно вымытой лунным светом.

Глубокие синие глаза, похожие на глаза Силь, но более уставшие; Море Квантов в их глубине давно высохло, оставив лишь потрескавшееся речное дно.

На ней была форма Верховного хранителя, но погоны уже выцвели.

— Коколия.

Син выдохнула имя сама того не заметив.

Не вопрос — утверждение.

Бейсбольная бита в руке заходила мелкой дрожью, все пять отметин вспыхнули одновременно, откликаясь на зов родственного сигнала.

Женщина в зеркале улыбнулась.

В этой улыбке сквозило какое-то облегчение, словно с плеч наконец сбросили тяжелый груз, но в самой ее глубине таилось неутоленное пламя тлеющих углей.

— Носитель Звездного ядра, — голос Коколии доносился со всех сторон. — Ты ведь тоже... собираешь узы, верно?

— Что?

— Узы. — Отражение Коколии перемещалось по зеркалам, напоминая призрака, утратившего плоть и обратившегося в чистый образ. — Я чувствую. На твоей бите... пять отметин. Пять связей. Пять нитей, что делают тебя... уязвимой...

— Не уязвимой, — Син сжала биту еще крепче, и пульсация пяти отметин вступила в странный резонанс с холодом зеркального зала. — А...

— Чем же?

Син замолчала.

Она смотрела на Коколию в зеркале, на это изъеденное Звездным ядром, омытое лунным светом бледное лицо.

Она вспомнила гитару Сервал, те две буквы C&C, вспомнила переплетение расколотых цветов — палящего оранжевого и оледеневшего синего.

— Твои узы, — наконец произнесла Син, и голос ее прозвучал тише, чем она планировала, — превратились в цепи.

Отражение Коколии замерло.

— Цепи, — повторила она, и в ее голосе прозвучало горькое признание человека, наконец нашедшего ответ. — Да, цепи. Я привязала... их к себе. Сервал... Брони... всех, кого я... любила...

— Но они... хотели улететь.

— Бабочки, — улыбнулась Коколия, и в этой улыбке промелькнула легкая поступь свободы. — Сервал... говорила раньше... бабочки способны пролететь... сквозь любые стены. Но я... воздвигла стены выше. С помощью Звездного ядра... с помощью порядка... с помощью...

— Во имя защиты?

— Во имя... страха, — отражение Коколии затрепетало в зеркалах. — Я боялась... потерять. И потому... сжимала хватку. Чем крепче — тем быстрее все ускользало. Пока...

Она умолкла.

Холод в зеркальном зале внезапно усилился.

Син видела, как отражение Коколии содрогается одновременно во всех зеркалах.

— Пока я не стала... сосудом Звездного ядра, — голос Коколии звучал так тихо, словно она говорила сама с собой. — Пока я не оттолкнула... всех. Включая... Броню. Особенно... Броню.

Син вспомнила детские рисунки Брони, тот серый силуэт, вспомнила застывшую на тридцать секунд синюю фигурку за окном во время ночной беседы в Административном штабе.

Она вспомнила слова Брони: «Я не могу выбирать, кого защищать, так свободно, как Силь».

— Ты... сожалеешь? — спросила Син.

Отражение Коколии застыло в зеркале.

— Сожаление... определение размыто, переклассификация...

Она молчала очень долго.

Так долго, что холод в зеркальном зале начал отступать, сияние пяти отметин выровнялось, а сдавленная частота, пытавшаяся передать самую суть понятия «мать», наконец нашла выход.

— ...Переклассификация: не поддается вычислению, — произнесла Коколия, и уголки ее губ тронула едва заметная улыбка. — Но... это стоило... того, чтобы почувствовать.

Она повернулась к Син, и зеркальный двойник вдруг обрел пугающую четкость.

Син заглянула ей в глаза — те самые глубокие синие глаза, похожие на глаза Силь, но бесконечно уставшие, — и увидела, как в их глубине что-то тает.

— Твои... узы, — промолвила Коколия, — они ведь... не такие, как мои?

— Другие, — Син сильнее сжала биты, и пульсация пяти отметин откликнулась на идущую от Коколии подавленную волну, сиявшую чистым смыслом «надежды». — Твои... превратились в цепи. Мои же...

— Твои — что?

Син опустила взгляд на древко биты:

— Мои... все еще растут.

Коколия остолбенела.

Ее отражение в зеркалах затряслось, и в глубине — на том самом потрескавшемся речном дне Моря Квантов — вдруг забили чистые ключи.

— Растут, — повторила она, и в голосе посветлел обретенный ответ. — Не... собирать. Не... сковывать. А...

— Значит... позволить уйти, — ответила Син, — и... позволить вернуться.

Улыбка Коколии изменилась.

В ней больше не было горечи или легкости освобождения — лишь пропитанная печалью

нежность.

Эта улыбка напомнила Син о самых глубоких оттенках Наташи, о том искуплении, что сквозит в словах: «Я видела слишком много, я вынесла слишком много, но я выбираю идти дальше».

— Значит... Броня... — прошептала Коколия, и ее голос звучал как шуршание мыслей наедине с собой.

Она не договорила.

Зеркальный зал внезапно сотрясся, и мириады зеркал испустили резкий пронзительный звон — трансляция чужого образа была прерыведена силой.

— Время... вышло, — отражение Коколии начало таять в зеркалах, словно дым, унесенный ветром, или роса под лучами солнца. — Звездное ядро... зовет. Оно... хочет тебя...

— Я не отдамся ему.

— Оно просит... не твое... тело, — голос Коколии донесся издалека. — Оно хочет... твои узы, твой... рост.

Зеркала раскололись.

Отражение Коколии исчезло во множестве осколков одновременно.

Син вырвало из иллюзии.

Она обнаружила, что стоит посреди зеркального зала Форта Клипот — настоящего зеркального зала, а не того, что привиделся ей в кошмаре.

Зеркала были целы и невредимы, отражая ее одинокую фигуру, раздробленную на бесконечные осколки.

Но что-то неуловимо изменилось.

Она взглянула на ближайшее зеркало.

На долю секунды в отражении проступило лицо Коколии.

Серебристо-белые волосы, глубокие синие глаза и легкая печать освобождения.

Этот образ продержался всего три десятые доли секунды, после чего вновь сменился привычным лицом самой Син — серые волосы, растерянный взгляд.

Но этих 0,3 секунды оказалось достаточно.

Вполне достаточно, чтобы Син успела заметить шевеление чужих губ, беззвучно произнесших:

— ...Спасибо.

— Син?

Голос донесся из-за двери.

Это была Броня, и в ее голосе сквозила тревога.

— Ты здесь?

Син обернулась к выходу.

Бейсбольная бита в руке слегка потеплела, а пульсация пяти отметин вошла в резонанс с идущим из-за двери бело-золотым, неровным колебанием.

— ...Здесь, — отозвалась она, и собственный голос показался ей более хриплым, чем обычно. — Сейчас выйду.

Она бросила прощальный взгляд на гладкую поверхность зеркала.

Отражение пришло в норму — пепельные короткие волосы, хрупкая фигура, бейсбольная бита, испещренная отметинами.

Но что-то в глубине души уже изменилось — крошечное семя, брошенное в почву, начало медленно пускать корни.

Прощальное «спасибо» Коколии.

И та недосказанная фраза: «Значит... Броня...»

Что значит?

У Син не было ответа.

Но она знала: нечто важное уже было передано — от Коколии к Бне, из прошлого в настоящее, от оков к росту.

Она направилась к двери, чувствуя, как бита в руке источает мягкое тепло.

Пульс пяти отметин переплетался с бело-золотой частотой снаружи.

Стоило двери приоткрыться, как в поле зрения возникло лицо Брони.

На нем не было безупречной маски наследницы — лишь подлинное, неподдельное волнение.

Серебристо-белые пряди растрепались, выдавая ее растерянность.

— Ты... была там так долго, — выговорила Броня дрожащим голосом. — Я... слышала...

— Что именно?

— ...Песню, — кончики ушей Брони слегка порозовели, словно одинокий цветок, пробившийся сквозь снег. — Песню ветра. Я думала... это Сервал...

Син промолчала.

Перед глазами снова возникло видение зеркальной Коколии, ее недосказанные слова и то запечатленное на долю секунды лицо, озаренное улыбкой свободы.

— Это не Сервал, — тихо произнесла Син, и ее слова прозвучали так, будто она разговаривала сама с собой. — Это... сам ветер.

Броня пристально посмотрела на нее.

В глубине тех холодно-белых глаз — под стать куполу Форта Клипот — что-то неуловимо оттаивало, уступая место свету человека, наконец нашедшего ответ.

— Ветер... — повторила Броня, словно пробуя на вкус незнакомый плод.

— Он становится слаще, — улыбнулась Син, чуть изогнув уголки губ. — Особенно... рядом с девушками.

Кончики ушей Брони покраснели еще сильнее.

Она ничего не ответила.

Но ее пальцы — замершие на груди, словно желающие коснуться опустевшего места, где раньше крепился знак, — едва заметно дрогнули.

Син знала, где теперь покоится этот тяжелый символ.

Там, внизу, в теплом убежище, хранящемся под защитой синего призрачного отголоска, он прижался к чужой коже.

— Пойдем, — наконец произнесла Броня, возвращая себе спокойный тон наследницы, хотя на дне ее глаз уже зрели перемены: оледеневший синий цвет наступал на пламенеющий оранжевый, подобно снегу, укрывающему костер, подобно тишине, поглощающей...

— Собрание Строителей, — добавила она. — Сейчас начнется.

Син шагнула следом, чувствуя приятное тепло биты.

Пульс пяти отметин отзывался странным резонансом на холод Форта Клипот.

В недоступном для глаз измерении тем временем проступила новая строчка текста:

****[Глава 19 завершена]****

****[Глава 20: разблокировано достижение «Отражение в зеркале»]****

****[Анонс следующей главы: Уязвимый миг Верховного хранителя]****

Син моргнула.

Надпись растворилась.

Но она знала: некто незримый ведет счет ее шагам.

Это была не Хэйта, не Коколия и не любое другое известное ей создание.

Что-то более далекое, насмешливое и исполненное чистейшего «веселья».

И на этот раз она улыбнулась спине Брони, словно обращаясь к ученице, постигающей саму природу ветра:

— Бабочка уже перелетела через стену.

— И... ветер следует за ней.

Шаги Брони едва заметно смазались на секунду.

Но она не оглянулась.

Двери зеркального зала за их спинами захлопнулись с глухим стуком.

Словно затворилась еще одна книга воспоминаний, ожидающая своего часа.

<http://bllate.org/book/19707/1938021>